

The power-ownership as a remedy from the owner's power

Simashenkov, Pavel

Veröffentlichungsversion / Published Version

Zeitschriftenartikel / journal article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Simashenkov, P. (2018). The power-ownership as a remedy from the owner's power. *Koncept (Kirov): Scientific and Methodological e-magazine*, 2018(9), 236-244. <https://doi.org/10.31124/advance.10315454>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer CC BY Lizenz (Namensnennung) zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den CC-Lizenzen finden Sie hier:

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.de>

Terms of use:

This document is made available under a CC BY Licence (Attribution). For more information see:

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Pavel Simashenkov,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Public Administration and Legal Support of the Civil Service Chair, "MIR" University, Samara

pavel.simashenkov@yandex.ru

THE POWER-OWNERSHIP AS A REMEDY FROM THE OWNER'S POWER

Abstract. The article analyzes the phenomenon of ownership in its legal, economic, political and philosophical perspectives. Ownership is considered as an opportunity and as a guarantee of sustainable development. Comparative context is used to identify the specificity of the bourgeois model of owners' power (social state) and the domestic concept of power-ownership (including socialist state). The author draws conclusions about ways to overcome the competition between the state and the market for the human resource and proposes to explore the ideological provision of power-ownership in order to appreciate its progressive potential and predilection in relation to the liberal model of social development.

Key words: Marxism, relations of production, ownership, socialism, liberalism, power-ownership, philistinism.

Between two opposites lies not truth, but a problem.

Goethe

By the power of things, we may come to results
which we didn't even think about.

Saint-Just

The "decade under the sign of the great victories of Russia" awaiting us promises another breakthrough in the standard of living, that is why the issue of the state power attitude to the economy and common sense becomes actual again – as a version of the eternal Russian question "who is to blame?" The key point of discussions about the balance of divine and Caesarean is still the concept (and understanding) of property: as a fact, law, privilege and guarantee. The study of power-ownership involves at least two approaches. The positivist one – the construction of an abstract-mental structure based on a mechanistic mixture of components – and the "Spinozist" one, in which power-ownership is *causa sui*, and the study of its manifestations serves to reconstruct the whole. The second option (with all its ambiguity and thanks to it) seems to us to be less tendentious and therefore more preferable, since positivism is fraught, as M. Thatcher said, with "dangerous over-simplifications."

If we consider learning and assimilation as a manifestation of the process of cognition, then appropriation means the possibility (but not always the ability) to use. In our opinion, power is a kind of ownership-opportunity ideal, for domination seeks total isolation and sovereignty in it. In the classical triad of powers, ownership is the most general and therefore the most controversial. The bourgeoisie strove for its legal consolidation, declaring ownership to be an absolute right. Use (exploitation) and consumption are dynamic, variable, particular moments, while ownership is the whole with respect to them, and the powers of ownership presuppose the permissibility of use and consumption. However, ownership can be regarded both as a fact and as an act of isolation, lasting in time (owning and even taking possession). The uncertainty and indefiniteness of the content gives out a plurality of interpretations: for example, ownership of land, peasants and ownership of power itself. Thus, it will be the right thing to believe that ownership is mainly the right to arbitrary rule.

In this context, it is indicative how the Hegelian concept of property as alienated in the object (objectified) will is more categorical than Brissot-Proudhonian "La propriété, c'est le vol"

and even the norms of domestic criminal law. The comment to Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation means under the theft "unlawful seizure of property and (or) the conversion of another's property in favor of the guilty or other persons that caused damage to the owner or other holder of this property" [1]. The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in Decree of December 27, 2002 No. 29 "About judicial practice in cases of theft, robbery and brigandage" clarifies the moment of the theft completion, indicating that "theft and robbery are considered completed if the property is seized and the perpetrator has a real opportunity to use it at his/her own discretion (for example, to turn stolen property in his/her favor or in favor of other persons, to deal with it for mercenary ends)". Legal norms, as we see, pretty much confuse the process of theft qualification, in the first case, linking it without fail with some damage to the owner, and in the second – mentioning some real (present, supposed, but feasible?) possibility of using the property. All of the above confirms that the absoluteness of the right of ownership, no matter how rigidly and specifically it is fixed in the laws, is more than relative and attributable to the political will of the authorities (as evidenced, in particular, by the nuances of judicial practice).

The above arguments cast doubt on the liberal paradigm, whose followers suggest that an economy freed from administrative bonds will freely develop in the legal field of inviolable ownership. Nevertheless, who will create the legal field, if not the legislative bodies of the state? This is the unhealthy duality of any liberalism (including economic one); it is groundless by itself. The conservative is rooted in faith and ideology, the democrat in the moral sense of the nation, while the liberal is seeking legal support; he has the most power-dependent position. That is why it is precisely the liberals who easily transform into inveterate singers of the sovereign colossus where conservatives and democrats still have a chance not to betray themselves or the people they represent. The clearest confirmation is the famous phrase of P.Milyukov: "As long as the legislative power, that controls the budget, exist in Russia, the Russian opposition will remain the opposition of His Majesty, and not to His Majesty."

So, ownership as a development potential, framed by the liberal legislative orbit, eventually mutates into a format when, first, the so-called intellectual products become an object of ownership, then – informational occasions, after that – body parts (fashionable hips, buttocks, etc. insurance), and ultimately human life (disputes about euthanasia and emtanasia). The notorious equality of opportunity naturally turns into a cultivation of inequality of the most vulgar character, where the very fact of owning something (Kardashian's logic: to earn by selling the body belongings) is already a reason for generating income. The result is a culture-destroying hysteria of consumption, emergence of show elite and even show power [2], cultivation of social discord and intolerance. It is a half-step from such economic liberalism to socio-anthropological diagnostics (M. Richmond) and the genetics of poverty, and not so far from the ideas of racial superiority. One can not but recall "humanist" Chubais: "Well, let thirty million die out, they do not fit into the market", and terrorist Savinkov: "If the louse in your shirt shouts to you that you are a flea, go outside and kill!"

The saddest thing is that the modern Russian ex-liberals, who have changed on the go (and now, as usual, they are "born conservatives" and all-time statesmen), in indomitable attacks of prohibitive rule-making, implement the liberal tactics they curse of constructing the social state on the foundation of law supremacy (or, more rigorously, dictatorship). As I.Pantin rightly remarked, Russian democracy was anti-liberal, and liberalism was anti-democratic. Probably because the liberal votes for the formal recognition of equality, and the democrat – for its implementation (as O. Mamedov writes very accurately in his article about equality and equal rights in the economy [3]).

In the normative balance of isolation (possession) and adaptation (use and disposal), the use with limiting arbitrary disposal can still restrain the right abusing, but delegation and expansion of authority to use (determine the legal fate), accelerating exchange processes,

provokes general mercantilism, inevitably intensifying afterwards this aggression of acquisition. The expansion of administrative powers engender (but does not strengthen) the caste of timeservers in the state mechanism. They hunger for wealth, but are unlikely to own it. That is why there is swamp stability of the unsteady duckweed of lordly mercy and the constancy of one-time use, the dominance of the project approach in politics and economy. Trying to regulate the distribution of goods exclusively legally, the state sacrifices its sacred status. Time partially ennobles the market, smoothing out the spontaneity of lawlessness with legal limits outwardly, but formalism accelerates the degradation of regulatory methods. Thus, quasi-economic relations with the state have been brought to the point of absurdity in a pro-American institution of plea bargain (pre-trial agreement on cooperation – paragraph 61 of article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). More flexible and unscrupulous economy begins to compete successfully with the state for power by definition. The most obvious evidence is the growth of corruption, bribery of officials, that is, a purely and deliberately economic resolution of social and state problems.

Unlike ownership-opportunity, ownership as a guarantee is perhaps the most powerful democratizer of relations. Such an interpretation is harmoniously combined with the averaging (by default) potential of the economy. It is all about the nature of the guarantee. In the West, comfort is ensured mainly by legal guarantees, while in the USSR, social guarantees existed legally, but, more importantly, ideologically (there are no strange children, protection of motherhood and childhood, respect for war and labor veterans).

Giving out property to conditionally sovereign owners, the government refuses the mission of a guarantor of exchange relations, falling to the role of an arbiter. The average citizens demand from the authorities guarantees of inviolability on the basis of negative regulation (everything is allowed which is not forbidden), meanwhile looking for a lot of legal ways to circumvent bans for the sake of increasing income (grueling, raiding, financial pyramids and other forms of jobbery). The state, providing indulgence to the market element, fuels centrifugal tendencies in society. Owners, who have something to lose, are forced to play politics in one way or another in order to be closer to power, and even better in power (the result is bourgeois revolutions in the West countries in the 16th-19th centuries). The state, forced in its turn to serve the interests of the owners politicized by it, will fall to populism by perforce: either in a pseudo-democratic or totalitarian format. It is more accurate to call policy totalitarian exactly where it has become a matter of the masses, and the publicity of power is felt not as a distant parting from the people, but as accessibility for general viewing and use. We can speak about textbook totalitarianism (in essence: not Stalinism at all!) when the heathen temple of politics is turned into a brothel with a strict master, a crowd of user visitors and an ideology of satisfying demands.

Not every value has its price, and the more values are included in the commodity circulation, the faster society degrades. Commodity metabolism digests a person into masses. “On consumer illusions, as if on a dare, has matured and risen the worldview of the expanding and falling new human community – the mass, this nutrient medium for the middle-class prevailing today” – lamented E. Lampert.

The expansion of political rights (the so-called “activist political culture”) is the shortest path for the degradation of the people to the electorate, from the source of power to the resource of political technologists. It is a paradox: the masses consider themselves the owners of power, while the power controls their moods and lives almost completely, and (in the words of J. Ortega y Gasset) “most people are not able to make any effort other than a forced reaction to external necessity” [4]. The masses are a bourgeois concept, a new kind of raw material, impersonal people; they are both the subject of study and the justification of positivism in the social sciences. The phrase of K. Marx [5] about the “scientific service” for capitalism is remarkable: “Mentally, theoretically, they do not go beyond those limits which philistinism does not pass over in real life”.

It is hardly logical to speak of an “average slave” (slavery is a tragic fate, it may be common, but it is not typical). But “office plankton” is a statistically measurable and quite real substance, a conglomerate of unicellular managers. In the words of E. Ilyenkov, “professional cretinism here turns not only into a fact, but also into a virtue, into a norm, even into a kind of ideal, into a principle of a person formation, which everyone tries to comply with, so as not to plunge to the very bottom of society, not become a simple unskilled blue-collar” [6].

Philistinism is a sign of capitalism, modus vivendi of small owners with small interests. Note that even A. Herzen brilliantly outlined the declassifying vector of the market society involution (“there are wealthy and indigent bourgeois”), where the difference in incomes does not negate the dominants of mercantile interest in both of them. “Philistinism is the last word of civilization based on the unconditional autocracy of property” (A. Herzen). Compare: “through the soul of the proletariat, philistinism was preparing to win the last victory: to become humanity” (G. Fedotov). According to Herzen, there is a danger of socialism degenerating into philistinism [7], and this prophecy was tragically confirmed in the consumer sentiment of the perestroika era, fueled by artificial food shortages. Now we still can observe philistine attraction of “northern socialism” in prosperous Scandinavian countries.

“Modern societies, with the anarchist structure of their cooperation system, are fully committed to compulsory norms. The norms of ownership and contractual submission constitute the soul of capitalism” – A. Bogdanov wrote [8]. Undoubtedly, the West has received a centuries-old head start in terms of decorating the economy with a one-sided legal consciousness. However, legal consciousness (just loyalty in fact) does not stand the test, for example, by the migrant crisis. The so-called public control on the part of small owners is able to curb the presumptuous power at best, and even that by hardly civilized means, since indignant citizens are more likely to go to rallies of protest, but not to court. The effectiveness of control directly depends on the satiety of citizens, in other words, on the quantity and availability of resources. As soon as philistine interests begin to suffer, the street-protest scenario will be repeated (also, by the way, the product of “color revolutions” export), colorless and equally massively faceless. In this regard, it is extremely amusing to compare the bourgeois protest in the form of an “Italian strike” and the Komsomol “inside out strike” against Gasilovism (V. Lipatov “And this is all about him”): how striking is the contrast in the understanding and awareness of their personal and their own by Western workers and Soviet people!

The economy is rarely inspiring, but always compelling. The economic niche is akin to the ecological one, a place in the food chain where (unlike nature) everyone strives to become a predator. Perhaps, the economy is intended to be extensive to the same extent as the state - to condense to a dictatorship. Intensity of the economy is just a way to overcome the resource crisis (or prevent it) by more lean use: remember the immortal Brezhnev’s time “economy should be economical”. However, new perspectives and fields of activity will open eventually, creating vacuum that will be absorbed by the economy expanding in this direction: this natural-exchange process develops along the gradient of goods concentration. Hence the raw material wars, imperialist monopoly, and globalism follow. The only question is how widely they understand “their own” (within the limits of inheritance, country or planet). The goal is one – universalism, when everything is consumed where it is produced. Relations with other countries (especially trade ones) are nothing more than a means to expand the limits of “one’s own” and satisfy the instinct of greed. Moreover, the principle of subsistence economy serves as a guarantee of the temporary preservation of the appropriated, a kind of springboard for expanding the scale.

The state, on the contrary, exploits its a priori limited resources as intensively as possible: regulatory and legal (sometimes bringing legislation to a repressive absurdity) and human (violating human rights by prohibitions and restrictions). The economy of bureaucratic arbitrariness in this perspective is the most intense and therefore unnatural, predatory: before

the expiration of powers, the temporary kings need to use all provided enrichment opportunities as much as possible.

The criterion of inalienability is perhaps most valuable in understanding the meaning of ownership. Power is immanent to the state, compensatory to the economy, human dignity to people (“life to the Motherland, honor to nobody!”). The inclusion of a person in this triad is necessary, because the state and the economy always desperately compete for the right to possess human capital. The fact of exploitation is difficult to identify and calculate by economic methods: because value is created only by humans, not by cattle or robots. This means that exploitation is more likely (a) social and (a) moral, because it is unfair and encroaches on a fundamentally inalienable things. To realize such an encroachment you do not need legal awareness, a moral feeling is enough.

The direction of the economy and the state development is determined precisely by the human factor. It is possible to regulate the enrichment of the rich and the impoverishment of the poor, to deepen the gulf of inequality and create conditions for exploitation by laws. We emphasize that the reverse trends (reduction of inequality, etc.) are alive not only due to uniform legislation, but they need serious economic support. The right to use-exploit is determined by a hopeless situation – the very realm of necessity, which can be supported in various ways, and the political one is the simplest of them. One way or another, the causes of economic crises lie in unsuccessful reforms, their legal regulation and other acts of politics [9]. Therefore, to talk about the independence of the economy from state regulation means to allow the coexistence and competition of two monsters, each of which tends to total assimilation. Then the state regulation is better than the wild market: one monster is better than two.

Let us turn to the power-ownership and its Russian version. As long as the state has the initial rights to power, their persistent legal consolidation raises doubts about the capability of the administrative apparatus. M. Heidegger rightly remarked: the will to unconditional security reveals only complete insecurity [10]. In our opinion, the phenomenon of power-ownership is not in the appropriation of power by people (and, as a consequence, in its abuse): this trend is international; it is enough to recall the “iron law of the oligarchy” by R. Michels. The Russian tradition is different – it is an idea appropriating a person to itself, and therefore, in our opinion, the triad of the “owner’s” powers is interpreted somewhat differently: appropriation (disposal), dealing (use) and, finally, assimilation (possession). Power as a burden of responsibility and, actually, a burden of damnation, because the root of the idea of power is the need for concrete actions, which means the inevitability of evil. It is noteworthy: the merciless Peter I, who proclaimed himself to be the first of the *servants* of the Fatherland, is still revered as the Great, and much less cruel Nicholas II (“*master* of the Russian land”) got the nickname Bloody from his contemporaries. The greater is the scope of authority, the less distinguishable are freedom and necessity, and freedom becomes a deliberate necessity. Thus, the domestic concept of power-ownership is an ideological category [11]. In addition, how stupid it is to complain of dependence on one’s own calling or talent, it is just as sinful to reproach service in hardships.

Since the time of Ivan the Terrible, tsarism had arrogated to itself the religious function of establishing the Divine order (therefore, power was more often condemned in Russia than life or mores). “The beginning of the ownership right inviolability for a Christian has full right and significance only in relation to the property of others, and in his personal life he renounces this right in the name of higher interests”, – wrote V. Ekzemplyarsky [12]. The Christian paradigm of ownership regulation concentrated the autocrat’s powers: he knew better what to do, by agreement or by conscience. In this sense, the authorities and people in Russia might have had and still are having “bonds”, namely, the fundamental unreliability of any legal guarantees. They had to hope for grace, but it might not have descended (an example is “serfdom, which replaced the national duty for the people with a private economic yoke,” –

G.Fedotov). Historically, Russian law has been characterized by an uncertain status of both rich and poor, hence the vagueness of the rights protection regulation and the absence of classes in the classical, Marxist sense.

The difference in the social system of Russia, as we believe, was a mass of apolitical people, power belonging by vocation (almost a class principle) and by faith (paternalism), hence the original synthesis of the ideas of the peasant tsar and the noble sovereign. Selection and choice (especially elections) are not identical. The mission of power-ownership is to allot blessings with grace, but not always – in accordance with the law. In Russia, it is more important to support the idea of the nation than the idea of the state. That is why the autocracy needed the communities so much to maintain the inviolability of the social system. Property was never thought of as truly private, but it always correlated with a collective unit: a princely family, a royal family, a landlord or merchant family, a peasant community, a collective farm, and a party. The collective owner must live and act by faith, and not in accordance with selfish interests (Stalin's words “party cannot be mistaken”).

The existence of domestic statehood has so far been determined by the fact that the authorities took care of transforming the population into a nation with a common faith and mission. Note: in the USSR, they spoke not so much about protecting the state as the social system. Now it is the state and even its individually defined head that is our everything. During perestroika and subsequent timelessness, the ruling elite decided exclusively on issues of personal enrichment, and, accordingly, the establishment of status differences and barriers between themselves and the conquered people. In spite of superficial neo-monarchist analogies, it is more accurate to speak about the power of large owners in Russia (but it is characteristic, that property is again more clan-corporate than private), moreover, about economically mediocre dominance, and more likely about rhetorical lordliness rather than “wild nobility”.

According to M. Lifshitz, classes and parties, guided by the calculations of bourgeois “real politics”, often lack precisely realism. There are many reactionary utopians among their ruling elite. Modern “effective managers” manage the economy as if everything available (including people called the population and the electorate) was the raw material for production and sale. This is a cross between colonial and occupational management styles. The failures (quite predictable) of the “may be” reforms based on the “anyhow” forecasts are shamelessly attributed to the historically irresponsible fatalism of the market and international sanctions. However, reforms are possible, if they are supported by the trust of the people and the capacity of the authorities. In the absence of the first and with the doubt in the second, citizens will increasingly demand a forced return to the point of harmonious archaic, “when the kings grazed their cattle themselves” (which is manifested in mass USSR-nostalgia).

The fullness of power leads to its obesity. When the motives and methods of power reproduction become economic ones, it is ugly, immoral and against people. The formal success of old-fashioned management methods in Russia was, as a rule, fraught with collapse and confusion, since this triumph signaled reduction of paternalism to cheap populism, when the ruling regime uses the people as a crowd scene for their legitimization. Such feasts of sovereign arrogance are harbingers of disasters; the crowd does not forgive the power mistakes that it will inevitably make, having lost vigilance and moral guidelines. The confusion after the Livonian war, the revolutions after the Russian-Japanese War and World War I illustrate this trend [13]. Having lost a sense of reality, the regime itself generates causes and symptoms that weaken it, closing the vicious circle of political errors and economic failures.

From the point of view of the optimal balance of power and ownership, the so-called forms of public-private partnership are very interesting. The most archaic of them (feeding, farming) are surprisingly tenacious in domestic practice. It is enough to recall the Shchedrin's character, Benevolensky – the “progressive” mayor of Glupov-town: “First law: every man walks dangerously; let the tax-farmer bring his gifts” [14]. Is not it a manifesto of corruption?

On the other hand, why it is not a declaration of “social responsibility of business”? It is obvious, that a vulgar understanding of power-ownership implies a “partnership” precisely in a criminal sense and ultimately discredits it. An emphasis on the economic character (to the detriment of the ideological one) can transform cooperation into collaboration and bring loyalty to the political opposite. So, according to the witty remark of G. Fedotov about tsarist Russia, “the merchants eagerly made donations to almshouses, theaters, and the Bolshevik party” [15].

In addition to the vassal form of farming-isolation, socialization tactics are possible. In the version of E. Ilyenkov, formal socialization of property is the completion of the of private property idea, the emergence of general private property. We believe that the distinction between “general private” and socialist property is carried out according to the priorities of formal, actual and real socialization. The latter is immeasurably more complicated and it is not completely determined either by the economy, or even less so by politics. Nevertheless, the path itself in the Soviet development model was chosen correctly. Let us recall the classics: “measures that economically seem insufficient and untenable, but which outgrow themselves in the course of the development and are inevitable as a means of revolution in the whole model of production” (Manifesto of the Communist Party [16]). “What is wrong in the formal economic sense can be true in the world historical one” (F. Engels). “We found that degree of combination of private interest, private commercial interest, verification and control of it by the state, the degree of its subordination to common interests, which used to be a stumbling block for many, many socialists” [17], claimed great Lenin.

Power may be popular, but the market is not related to humanism, the strongest one survives there. It is possible that the contradictions between the productive forces and production relations are exacerbated when the latter are determined and regulated exclusively by the economy. The moral degradation of ownership relations contrasts with the owners’ chic way of life (primarily those in power), and the contradiction is not resolved automatically (by market means), but by the authority of the state or society (reforms or revolution). S. Frank stated: “If private property was so easily, almost without resistance, swept away in Russia by the whirlwind of socialist passions, it was only because the robbed owners themselves ... were secretly convinced of the moral justice of the socialists’ goals” [18]. There is a curious parallel with the famous Décrets de ventôse of 1794, met in France by the resistance of large owners and not understood by small owners.

The principles of commodity turnover, of course, depend little on the will of a single person, and varieties of add-ons have been erected on an economic basis: from the American high-tech to the modern Russian semi-criminal stations for reception and sale of recyclables. The problems begin there and then, where and when being is ahead of consciousness and, the unconscious imposes its own rules. Without proper intervention, the laws of economics are like insurmountable urges and they are equally physiological in their manifestations: slow evolution (even in bio format) leads, as a rule, to smaller forms.

The potential of the economy is compensatory, aimed at achieving equilibrium. Equalization results in (in the words of Marx) “the envy of each smaller property to the larger”. The political regime, providing distribution in the interests of the ruling class, on the contrary, gives anti-gradient dynamics to economic relations and, as a result, controls social stratification. The state, in contrast to the spontaneous forms of economic exchange, is artificially established unnatural institution, alternative to the natural exchange of substances and goods. The state is a kind of anti-entropic mechanism designed to restrain both the fragmentation of property and the disintegration of the general truth into micro-truths of philistines. The state, subjected to exclusively economic jurisdiction, is doomed to historical stagnation. Moreover, if history is a form of human existence, the economy in it will be the eternal temptation of a social organism flesh, which must be surpassed.

In the light of the above stated, it seems to us that power-ownership (as an ideological substance) is more progressive than the power of the owners, since the stability of the latter is supported by formal (and therefore positive-legal) guarantees. The power of the owners is focused on the subject, giving priority to the protection of property (moreover, this mainly becomes the concern of the owner). Is it not surprising that in a free market, mass financial literacy refers to the skills in planning and optimizing household expenses, as well as the ability of ordinary people to read text that is intentionally printed in smallest print in contracts? Robespierre was truly right, when considered distrust to be the main virtue of a citizen! The logical result of such distrust is again according to Robespierre: “there are two parties left in the state: the people and their enemies” [19].

Power-ownership shifts the emphasis from the subject to relations, moral affiliation of rights-guarantees to a person, respectively, preferring safety of rights to their guarding. The vulnerability of this model is inversely proportional to the trust of citizens in power. Lenin warned: “In order to achieve participation of the entire population in the cooperation through NEP (new economic policy), this requires a whole historical era.” The absurdity is a variant of the administrative-economic bureaucracy, when the state ignores or tries to ban the laws of the economy: in this case, it is similar to an epic warrant officer who tried to stop the departing train with a military command. At the same time, it is difficult to imagine that the state suddenly abolishes itself by issuing a testament refusal and designating the abstract “civil society” as the receiver. However, a Marxist scenario of the state disappearance as the people grow culturally is quite possible in the coordinates of true power-ownership (remember the calls for “culturalism” for the development of cooperation). In Lenin's wording: the system of civilized cooperators with public ownership for the means of production, with the class victory of the proletariat over the bourgeoisie – this is the system of socialism. Mastering the principle of “own” will help to master ownership. When charting the paths to progress, it is impossible to deny the simple laws of substances exchange, but it is also dangerous to neglect the role of ideology and morality in the development of social relations (after all, the Weberian spirit of capitalism is also alive by Protestant ethics). M. Lifshits spoke of “the sublimation of egalitarianism to the height of revolutionary energy, armed with reason, theory, the light of Leninist ideas” [20]. Meanwhile, we mention superation [21], during which labor must be transformed from necessity into need, and then the communist principle of welfares distribution will be implemented at last.

Given the context of the power reproduction in the Russian Federation, we think it senseless to give any recipes for the recovery of the modern Russian economy (especially the reorganization of ownership). One can only hope that the coming decade will not be marked by the continuation of the crushing victories of power over their own people.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FL (ed. on April 23, 2018, as amended on April 25, 2018).
2. Simashenkov P. D. A bipolar world: the struggle between good and evil or agreement to the lesser of the evils? // Foreign policy interests of Russia: history and modernity: Coll. Materials, II All-Russian scientific conf. devoted to the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War (1941–1945) / Samara Humanitarian University, Theory and History of State and Law Chair; Samara State University, Department of History; ed. by A. N. Skvoznikov. – Samara, 2015. – p. 131-136.
3. Mamedov O. Yu. Economy of inclusive civilization // Terra Economicus. – 2017. – T. 15. – No.3. – p. 13-14.
4. Ortega y Gasset J. La rebelión de las masas. – M., 2016.
5. Marx K., Engels F. Collected Works. – 2nd ed. – M., 1968. z V. 46. – Part I.
6. Ilyenkov E. V. Dialectics of the ideal // Logos. z 2009. – No. 1. – p. 6-62.
7. Herzen A. I. Past and thoughts. – M., 1976.
8. Bogdanov A. A. Essays on organizational science. – M., 1922.

9. Simashenkov P. D. Innovation course in line with the traditions of public administration in Russia // Scientific and methodological electronic journal "Concept". – 2015. – No. 5. – p. 171-175.
10. Heidegger M. Reflections. – M., 2016.
11. Simashenkov P. D. Military-patriotic education in Russia: sources, traditions and trends // Bulletin of the International Market Institute. – 2016. – V. 1. – No. 2. – p. 89-93.
12. Ekzemplarsky V. Teaching of the ancient Church about property and alms. – Kiev, 1910.
13. Simashenkov P. D. "Transparency" and the sacredness of Russian power in a historical perspective // State power and local self-government. – 2016. – No. 6. – p. 60-64.
14. Saltykov-Shchedrin M. Ye. Collected Works: in 20 vols. V. 8. – M.: Khudoz. lit., 1969.
15. Fedotov G. P. The fate and sins of Russia. – M., 1991.
16. The manifesto of the Communist Party. – M., 1953.
17. Lenin V. I. The last letters and articles. – M.: Politizdat, 1977.
18. Frank S. L. Ownership and socialism // Russian ownership philosophy (XVII-XX centuries). – SPb., 1993.
19. Robespierre M. Selected Works. – M., 1965. – (Series "Literary Monuments").
20. Lifshits M.A. Collected Works: in 2 vols. V. 1. – M., 2015.
21. Simashenkov P. D. Historical progress and the involution of ideals. Ethical and philosophical research. – Samara, 2017.

Симашенков Павел Дмитриевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и правового обеспечения государственной службы

АНО ВО Университет "МИР", г. Самара

pavel.simashenkov@yandex.ru

ВЛАСТЬ–СОБСТВЕННОСТЬ КАК СРЕДСТВО ОТ ВЛАСТИ СОБСТВЕННИКОВ

Аннотация. В статье анализируется феномен собственности в его юридическом, экономическом, политическом и философском ракурсах. Собственность рассматривается как возможность и как гарантия поступательного развития. Сравнительный контекст используется для выявления специфики буржуазной модели власти собственников (государство социальное) и отечественной концепции власти-собственности (в т.ч. государство социалистическое). Автором делаются выводы о способах преодоления конкуренции государства и рынка за человеческий ресурс и предлагается исследовать идеологическое обеспечение власти-собственности, дабы по достоинству оценить её прогрессивный потенциал и предпочтительность по отношению к либеральной модели общественного развития.

Ключевые слова: марксизм, производственные отношения, собственность, социализм, либерализм, власть-собственность, мещанство

Между двумя противоположностями
лежит не истина, но проблема
Гёте

Силой вещей мы, возможно, придём к результатам,
о которых вовсе и не помышляли
Сен-Жюст

Ожидающее нас "десятилетие под знаком великих побед России" обещает очередной прорыв в уровне жизни, отчего вновь актуализируется вопрос об отношении государственной власти к экономике и здравому смыслу – как вариант вечного русского "кто виноват?" Ключевым моментом дискуссий о балансе богава и кесарева и поныне выступает понятие (и понимание) собственности: как факта, права, привилегии и гарантии. Исследование власти-собственности предполагает минимум два подхода. Позитивистский – возведение абстрактно-ментальной конструкции на механистическом смешении компонентов, и "спинозистский", в рамках которого власть-собственность есть *causa sui*, а изучение ее проявлений служит реконструкции целого. Второй вариант (при всей неоднозначности и благодаря ей) представляется нам все же менее тенденциозным и оттого более предпочтительным, т.к. позитивизм чреват, как говорила М.Тэтчер, "опасными переупрощениями".

Если рассматривать освоение и усвоение в качестве проявления процесса познания, то присвоение означает возможность (но не всегда способность) распоряжаться. По нашему мнению, власть – своего рода идеал собственности-возможности, ибо в ней господство стремится к тотальному обособлению, суверенитету. В классической триаде полномочий именно владение – наиболее общее и потому самое спорное. Его юридического закрепления добивались буржуа, декларируя собственность абсолютным правом. Пользование (эксплуатация) и

распоряжение являют собой динамический, вариативный, частный момент, в то время как владение есть целое по отношению к первым двум, и полномочия владения предполагают допустимость пользования и распоряжения. Однако владение может расцениваться и как факт, и как акт обособления, продолжаемый во времени (овладение и даже овладение). Неопределённость и неопределимость содержания выдаёт множественность толкований: к примеру, владение землёй, крестьянами, и владение самой властью. Таким образом, вернее всего будет полагать, что владение — это, главным образом, право творить произвол.

В данном контексте показательно, насколько гегельянский концепт собственности как отчуждённой в предмете (опредмеченной) воли категоричнее формулы Бриссо-Прудона "собственность — это кража" и даже норм отечественного уголовного права. Примечание к ст. 158 УК РФ под хищением понимает "совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества". Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 27 декабря 2002 г. N 29 "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое" разъясняет момент окончания хищения, указывая, что "кража и грабёж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (например, обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом)". Юридические нормы, как видим, изрядно запутывают процесс квалификации хищения, в первом случае увязывая его непременно с причинением ущерба собственнику, а во втором — упоминая о некоей реальной (наличествующей? предполагаемой, но осуществимой?) возможности распоряжения имуществом. Все вышесказанное подтверждает, что абсолютность права собственности, сколь бы жёстко и конкретно сие ни прописывалось в законах, более чем относительна и относима на счёт политической воли власти (о чём, в частности, свидетельствуют нюансы судебной практики).

Приведённые доводы ставят под сомнение либеральную парадигму, адепты которой предполагают, будто освобождённая от административных пут экономика станет вольно развиваться в правовом поле неприкосновенной собственности. Но кто создаст правовое поле, как не законодательные органы государства? В этом — нездоровая двойственность всякого либерализма (в т.ч. и экономического), сам по себе он беспочвенен. Консерватор укоренён в вере и идеологии, демократ — в нравственном чувстве народа, либерал же ищет легальной поддержки, у него самая зависимая от власти позиция. Вот отчего именно либералы с лёгкостью перевоплощаются в отпетых воспевателей державной махины там, где консерваторы и демократы ещё имеют шансы не изменять ни себе, ни представляемому ими народу. Ярчайшее подтверждение — знаменитая фраза П. Милюкова: "Пока в России существует законодательная власть, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией Его Величества, а не Его Величеству".

Итак, собственность как потенциал развития, обрамлённая либеральным законодательным витийством, со временем мутирует в формат, когда объектом собственности становится сначала т.н. интеллектуальная продукция, затем — информационные поводы, потом — части тела (мода на страхование бёдер, ягодич и проч.) и, в конечном счёте, человеческая жизнь (споры об эвтаназии и эмтаназии). Пресловутое равенство возможностей закономерно превращается в культивирование неравенства самого пошлого толка, где сам факт обладания чем-либо (кардашьянская логика: зарабатывать, тем, выросло на теле) — уже повод для получения дохода. Итог — разлагающая культуру истерия потребления, появление шоу-элиты и даже шоу-власти, культивирование социальной розни и нетерпимости. От подобного экономического

либерализма полшага до социально-антропологической диагностики (М. Ричмонд) и генетики бедности, а там недалеко и до мыслей о расовом превосходстве. Как тут не вспомнить "гуманиста" Чубайса? – "Ну, вымрет тридцать миллионов, они не вписались в рынок". И террориста Савинкова – "Если вошь в твоей рубахе крикнет тебе, что ты – блоха, выйди на улицу и убей!"

Самое печальное, что современные российские переобувшиеся на ходу экс-либералы (а ныне, как водится, "урождённые консерваторы" и сплошь государственники) в неукротимых приступах запретительного нормотворчества реализуют проклинаемую ими же либеральную тактику построения социального государства на фундаменте верховенства (или более скрепно – диктатуры) закона. Как справедливо заметил И. Пантин, русский демократизм был антилиберален, а либерализм – антидемократичен. Наверно, потому что либерал – за формальное признание равноправия, а демократ – за его воплощение (о равенстве и равноправии в экономике – очень верно в статье О. Мамедова [7]).

В нормативном балансе обособления (владение) и приспособления (пользование и распоряжение) пользование при ограничении произвольного распоряжения еще может сдерживать злоупотребление правом, но делегирование и расширение полномочий по распоряжению (определению юридической судьбы), ускоряя обменные процессы, провоцирует всеобщее торгашество, неизбежно усиливая вслед за этим агрессию приобретательства. В государственном механизме расширение распорядительных полномочий плодит (но, к слову, не укрепляет) касту временщиков. Те алчут богатства, но вряд ли обретут его в собственность. Отсюда – болотная стабильность зыбкой ряски барской милости, отсюда же и постоянство одноразовости, засилье проектного подхода в политике и экономике. Пытаясь исключительно юридически регулировать вопросы распределения благ, государство жертвует своим сакральным статусом. Время частично облагораживает рынок, внешне приглаживая стихийность беспредела правовыми пределами, но формализм ускоряет деградацию методов регулирования. Так, квази-экономические отношения с государством доведены до абсурда в проамериканском институте сделки с правосудием (досудебное соглашение о сотрудничестве - п.61 ст.5 УПК РФ). По определению более гибкая и менее разборчивая в средствах, экономика начинает успешно конкурировать с государством за власть. Самое очевидное доказательство – рост коррупции, подкупа должностных лиц, т.е. сугубо и нарочито экономического разрешения социальных и государственных проблем.

В отличие от собственности-возможности, собственность как гарантия – едва ли не самый мощный демократизатор отношений. Такая трактовка гармонично сочетается с усредняющим (по умолчанию) потенциалом экономики. Все дело в характере гарантирования. На Западе комфорт обеспечивается преимущественно правовыми гарантиями, в СССР социальные гарантии существовали юридически, но, что важнее – идеологически (чужих детей не бывает, защита материнства и детства, уважение к ветеранам войны и труда).

Раздавая имущество условно суверенным собственникам, власть отказывается от миссии гаранта обменных отношений, опускаясь до роли арбитра. Обыватели требуют от власти гарантий неприкосновенности по принципу негативного регулирования (что не запрещено – разрешено), отыскивая тем временем множество легальных способов обойти запреты ради увеличения доходов (грюндерство, рейдерство, финансовые пирамиды и прочие ипостаси спекуляции). Государство, предоставляющее послабления рыночной стихии, само подогревает центробежные тенденции в обществе. Собственники, коим есть что терять, вынуждены ради сохранения нажитого в той или иной форме играть в политику: быть ближе к власти, а еще лучше – во власти (следствие – буржуазные революции на Западе в XVI-XIX вв.). Принуждённое, в свою очередь,

обслуживать интересы политизированных им же собственников, государство волей-неволей опустится до популизма: неважно, в псевдо-демократическом или тоталитарном формате. Политику вернее называть тоталитарной именно там, где она стала делом масс, а публичность власти ощущается не как отдалённая отделённость от народа, но как доступность для всеобщего обозрения и пользования. Хрестоматийный тоталитаризм (принципиально: отнюдь не сталинизм!) — это когда капище политики превращено в дом терпимости, со строгим хозяином, толпой посетителей-юзеров и идеологией удовлетворения потребностей.

Не каждая ценность имеет стоимость, и чем больше ценностей включается в товарооборот, тем быстрее деградирует общество. Товарный обмен веществ переваривает человека в массы. "На потребительских иллюзиях, как на опаре, созрело и вошло мировоззрение вспучивающейся и опадающей новой человеческой общности — массы, этой питательной среды для господствующего сегодня среднего класса", сокрушался Е. Ламперт.

Расширение политических прав (т.н. "активистская политкультура") есть кратчайший путь деградации народа в электорат, из источника власти — в ресурс политтехнологов. Парадокс: массы считают себя обладателями власти, в то время как власть практически безраздельно владеет их настроениями и жизнями, и (по выражению Х. Ортеги-и-Гассета) "большинству не доступно никакое усилие, кроме вынужденной реакции на внешнюю необходимость"[8]. Массы — буржуазное понятие, новый вид сырья, обезличенные люди; они одновременно и предмет изучения и оправдание позитивизма в общественных науках. Замечательна фраза К. Маркса [7] о "научной службе" капитализма: "Умственно, теоретически они не заходят дальше тех пределов, за которые в жизни мещанство не переходит практически".

Вряд ли логично говорить о "среднем рабе" (рабство — трагическая судьба, она может быть общей, но не бывает типичной). А вот "офисный планктон" — измеримая статистически и вполне реальная субстанция, конгломерат одноклеточных менеджеров. Словами Э. Ильенкова, "профессиональный кретинизм и превращается здесь не только в факт, но и в добродетель, в норму, даже в своеобразный идеал, в принцип образования личности, соответствовать коему старается каждый, чтобы не погрузиться на самое дно общества, не стать простой, неквалифицированной рабочей силой" [6].

Мещанство — примета капитализма, *modus vivendi* мелких собственников с мелкими интересами. Отметим, что еще А. Герцен блестяще обозначил деклассирующий вектор инволюции рыночного общества ("есть буржуа имущие и неимущие"), где разница в доходах не отменяет доминанты меркантильного интереса и у тех и у других. "Мещанство — последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности" (А. Герцен) Сравним: "через душу пролетариата мещанство готовилось одержать последнюю победу: стать человечеством" (Г. Федотов). По Герцену, есть опасность вырождения социализма в мещанство [2], и это пророчество трагически подтвердилось в потребительских настроениях времён перестройки, подогретых рукотворным продуктовым дефицитом. Ныне же мещанский аттракцион "северного социализма" пока ещё можно наблюдать в благополучных скандинавских странах.

Современные общества, с анархическим строением их системы сотрудничества, держатся всецело на принудительных нормах. Нормы собственности и договорного подчинения составляют душу капитализма, утверждал А. Богданов [1]. Бесспорно, Запад получил многовековую фору в части декорирования экономики однобоким правосознанием. Но и правосознание (а по сути — просто лояльность) не выдерживает испытания, к примеру, мигрантским кризисом. Т.н. общественный контроль со стороны мелких собственников в лучшем случае способен обуздать зарвавшуюся власть, да и то — едва ли цивилизованными средствами, поскольку возмущённые граждане скорее пойдут

на митинги протеста, но не в суд. Эффективность контроля напрямую зависит от сытости граждан, иными словами – от количества и доступности ресурсов. Как только начнут страдать обывательские интересы, повторится улично-протестный сценарий (тоже, кстати, продукт – экспорта "цветных революций"), бесцветный и одинаково массово-безликий. В этом плане исключительно занятно сопоставить буржуазный протест в форме "итальянской забастовки" и комсомольскую "забастовку наоборот" против гашиловщины (В. Липатов. "И это всё о нём"): сколь разителен контраст в понимании и осознании своего и собственного западными работниками и советскими людьми!

Экономика редко вдохновляет, но всегда вынуждает. Экономическая ниша сродни экологической, месту в пищевой цепочке, где (в отличие от природы) все стремятся стать хищниками. Возможно, экономика в той же степени призвана быть экстенсивной, как государство – сгущаться до диктатуры. Интенсивность экономики – всего лишь способ преодолеть ресурсный кризис (либо предотвратить его) более бережливым использованием: вспомним бессмертное брежневское "экономика должна быть экономной". Однако рано или поздно откроются новые перспективы и сферы деятельности, создавая вакуум, который будет поглощён расширяющейся в данном направлении экономикой: этот естественно-обменный процесс развивается по градиенту концентрации благ. Отсюда – и сырьевые войны, и империалистический монополизм, и глобализм. Вопрос лишь в том, насколько широко понимается "своё" (в пределах удела, страны или планеты). Цель одна – универсализм, когда всё произведённое там же и потребляется. Сношения с другими странами (особенно торговые) суть не более чем средство расширить пределы "своего", удовлетворить инстинкт алчности. А принцип натурального хозяйства служит гарантией временного сохранения присвоенного, своеобразным плацдармом для расширения масштабов.

Государство, наоборот, максимально интенсивно эксплуатирует свои априори ограниченные ресурсы: нормативно-юридический (доводя порой законодательство до репрессивного абсурда) и людской (посягая запретами и ограничениями на права человека). Экономика чиновничьего произвола в данном ракурсе – самая интенсивная и потому противоестественная, грабительская: до истечения полномочий временщикам нужно как можно полнее выработать все предоставленные возможности обогащения.

В уяснении смысла собственности наиболее ценен, пожалуй, критерий неотчуждаемости. Государству имманентна власть, экономике – компенсаторность, людям – человеческое достоинство ("жизнь Родине, честь – никому!"). Включение человека в эту триаду необходимо, ведь государство и экономика всегда отчаянно конкурируют за право обладания человеческим капиталом. Факт эксплуатации трудно выявить и просчитать экономическими методами: хотя бы оттого, что лишь человеком создается стоимость, а скотом или роботами – нет. Значит, эксплуатация – понятие скорее (а)социальное и (а)моральное, ибо несправедлива и посягает на принципиально неотчуждаемое. Для осознания подобного посягательства не требуется правосознания, достаточно нравственного чувства.

Направленность развития экономики и государства определяется именно человеческим фактором. Законами возможно регулировать обогащение богатых и обнищание бедных, углублять пропасть неравенства и создавать условия для эксплуатации. Подчеркнём: обратные тенденции (сокращение неравенства и т.д.) живы не единым законодательством, но нуждаются в серьёзном экономическом обеспечении. Право пользования-эксплуатации детерминировано безвыходной ситуацией – тем самым царством необходимости, которое можно поддерживать разными способами, и политический есть простейший из них. Так или иначе, причины экономических кризисов кроются в неудачных реформах, их правовом оформлении и прочих актах политики. Следовательно, рассуждать о независимости экономики от государственного

регулирования – значит допустить сосуществование и конкуренцию двух монстров, каждый из которых имеет тенденцию к тотальному всепоглощению. Тогда лучше уж регламентация государством, чем дикий рынок: лучше один монстр, чем два.

Перейдём к власти-собственности и ее российскому варианту. Коль скоро права на власть у государства – изначально, их настойчивое юридическое закрепление рождает сомнения в дееспособности административного аппарата. М. Хайдеггер справедливо заметил: воля к безусловному обеспечению вскрывает лишь всестороннюю необеспеченность [14]. По нашему убеждению, феномен власти-собственности – не в присвоении власти людьми (и, как следствие, в злоупотреблении ею): такая тенденция интернациональна, достаточно вспомнить "железный закон олигархии" Р. Михельса. Российская традиция иная – это идея, присваивающая себе человека, и потому здесь, как мы считаем, триада полномочий "собственника" трактуется несколько иначе: присвоение (распоряжение), освоение (пользование) и, наконец, усвоение (владение). Власть как бремя ответственности и, в общем-то, бремя проклятия, ведь в корне идеи власти – необходимость конкретных действий, а значит – неизбежность зла. Показательно: беспощадный Петр I, провозгласивший себя первым из *слуг* Отечества, и поныне почитается Великим, а куда менее жестокий Николай II ("*хозяин* земли русской") получил от современников прозвище Кровавый. Чем больше объем полномочий, тем менее различимы между собою свобода и необходимость, и свобода становится осознанной необходимостью. Таким образом, отечественный концепт власти-собственности – категория идеологическая. И как глупо сетовать на зависимость от собственного призвания или дарования, столь же грешно упрекать служение в тяготах.

Со времён Ивана Грозного царизм присваивает себе религиозную функцию установления Божественного порядка (поэтому на Руси обличали чаще власть, нежели быт или нравы). Начало неприкосновенности права собственности для христианина имеет полное право и значение лишь в отношении имущества других, а в своей личной жизни он отказывается от этого права во имя высших интересов, писал В. Экземплярский [15]. Христианская парадигма регулирования собственности концентрировала полномочия самодержца: ему виднее, как поступать, по договору либо по совести. В этом смысле власть и народ в России, возможно, все же имели и имеют "скрепы", а именно принципиальную ненадёжность каких-либо юридических гарантий. Оставалось уповать на благодать, но та могла и не снизойти (пример – "крепостное право, заменившее для народа национальный долг частным хозяйственным игом" (Г. Федотов). Русскому праву исторически была свойственна неопределённость статуса как богатых, так и бедных, следовательно – нечёткость регламентации защиты прав и отсутствие классов в классическом, марксистском понимании.

Отличием общественного строя России, как мы полагаем, был аполитичный в массе своей народ, принадлежность власти по призванию (почти сословный принцип) и по вере (патернализм), отсюда – оригинальный синтез идей мужицкого царя и дворянского государя. Избрание и выбор (тем более – выборы) не тождественны. Миссия власти-собственности состоит в наделении благами по благодати, при этом не всегда – согласно с законом. В России поддерживать идею народа важнее, чем идею государства. Оттого самодержавие столь нуждалось в общинах для сохранения незыблемости общественного строя. Собственность никогда не мыслилась по-настоящему частной, но всегда управлялась соборной единицей: княжеским родом, царской фамилией, помещицкой или купеческой семьёй, крестьянской общиной, колхозом, партией. Соборный собственник должен жить и действовать по вере, а не сообразно эгоистическим интересам (сталинское "партия не может ошибаться").

Существование отечественной государственности до сих пор определялось тем, что власть заботилась о претворении населения в народ общей верой и миссией.

Отметим: в СССР говорили не столько о защите государства, сколько социального строя. Ныне же именно государство и даже индивидуально-определенный его глава – наше всё. В перестройку и последующее безвременье правящая верхушка решала исключительно вопросы личного обогащения, и, соответственно, установления статусных различий и барьеров между ней и побеждённым народом. Вопреки поверхностным нео-монархистским аналогиям, сейчас в России вернее говорить о власти крупных собственников (но и при этом собственность, что характерно – снова более кланово-корпоративная, чем частная), причём – о господстве экономически бездарном, и скорее даже о хамском байстве, нежели о "барстве диком". А посему чаще и жёстче практикующие силовые методы, эксплуатируя административный ресурс, считая собственностью и его.

По мнению М. Лифшица, классам и партиям, руководящимся расчётами буржуазной "реальной политики", часто недостаёт именно реализма. Среди их правящей элиты много утопистов реакции. Современные "эффективные менеджеры" распоряжаются экономикой так, будто всё здесь наличествующее (вплоть до людей, именуемых населением и электоратом) есть сырьё для выработки и продажи. Это нечто среднее между колониальным и оккупационным стилями управления. Провалы (вполне предсказуемые) авось-реформ на основе небось-прогнозов беззастенчиво списываются на исторически безответственный фатализм рынка и международные санкции. Однако и реформы возможны, буде подкреплены доверием народа и дееспособностью власти. При отсутствии первого и сомнении во втором граждане все чаще будут требовать принудительного возврата к точке гармоничной архаики, "когда короли сами пасли свой скот" (что и проявляется, скажем, в массовой СССР-ностальгии).

Полнота власти ведёт к ее ожирению. Когда мотивы и способы воспроизводства власти уподобляются экономическим, она уродлива, аморальна и антинародна. Формальный успех кондовых методов управления в России был, как правило, чреват крахом и смутой, поскольку торжество сие знаменовало редукцию патернализма до дешёвого популизма, когда правящий режим использует народ в качестве массовой для своей легитимизации. Подобные пиршества державной спеси – предвестники бедствий; массовка не прощает власти промахов, которые та неизбежно допустит, потеряв бдительность и моральные ориентиры. Смута после Ливонской войны, революции после Русско-японской и Первой мировой иллюстрируют эту тенденцию. Утративший чувство реальности режим сам генерирует поводы и симптомы, его ослабляющие, замыкая порочный круг политических оплошностей и экономических фиаско.

С точки зрения оптимального баланса власти и собственности чрезвычайно интересны т.н. формы государственно-частного партнерства. Самые архаичные из них (кормление, откуп) удивительно живучи в отечественной практике. Достаточно вспомнить щедринского персонажа, "прогрессивного" глуповского градоначальника Беневоленского: "Закон 1й: всякий человек да опасно ходит; откупщик же да принесёт дары" [10]. Чем не манифест коррупции? Но, с другой стороны, чем не декларация "социальной ответственности бизнеса"? Очевидно, что вульгарное понимание власти-собственности предполагает "партнёрство" именно в криминальном духе, и, в конечном счете, её дискредитирует. Акцент на экономическом характере (в ущерб идеологическому) способен преобразить кооперацию в коллаборацию и довести лояльность до политической противоположности. Так, по остроумному замечанию Г. Федотова о царской России, "купечество с равной готовностью жертвовало на богадельни, театры, и на партию большевиков" [12].

Помимо вассальной формы откупа-обособления, возможна и тактика обобществления. В версии Э. Ильенкова формальное обобществление собственности есть доведение до конца идеи частной собственности, появление всеобщей частной собственности [3]. Мы полагаем, разграничение "всеобщей частной" и социалистической

собственности осуществляется по приоритетам формального, фактического и реального обобществления. Последнее – неизмеримо сложнее и не детерминировано полностью ни экономикой, ни тем более политикой. Но сам путь в советской модели развития был выбран правильно. Вспомним классиков: "мероприятия, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства" (Манифест коммунистической партии). "Что неверно в формально-экономическом смысле, может быть верно во всемирно-историческом" (Ф. Энгельс) [6]. "Мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов" [4], утверждал великий Ленин.

Власть может быть народной, рынок же безотносителен к гуманизму, там выживает сильнейший. Возможно, противоречия между производительными силами и производственными отношениями обостряются, когда последние определяются и регулируются исключительно экономикой. Моральная деградация отношений собственности контрастирует с шикарным образом жизни собственников (в первую очередь – власть предержащих). Причём противоречие разрешается отнюдь не автоматически (рыночными средствами), а силами государства или общества (реформами или революцией). С. Франк констатировал: "если в России частная собственность так легко, почти без сопротивления, была сметена вихрем социалистических страстей, то только потому, что сами ограбляемые собственники... втайне были убеждены в нравственной справедливости целей социалистов" [13]. Любопытна параллель со знаменитыми вантозскими декретами 1794 г., встреченными во Франции сопротивлением крупных собственников и не понятыми собственниками мелкими.

Принципы товарообмена, разумеется, мало зависят от воли отдельно взятого человека, и на экономическом базисе возведены разнообразные надстройки: от американского хай-тека до современного российского полукриминального пункта приёма-сбыта сырья. Проблемы начинаются там и тогда, где бытие опережает сознание и, неосознаваемое, навязывает свои правила. Без должного вмешательства законы экономики подобны непреодолимым позывам и столь же физиологичны в своих проявлениях: вялотекущая эволюция (даже в био-формате) ведёт, как правило, к измельчанию.

Потенциал экономики – компенсаторный, направленный на достижение равновесия. Уравнительность результирует (словами Маркса) "зависть каждой более мелкой собственности к более крупной". Политический режим, обеспечивая распределение в интересах правящего класса, напротив, придаёт экономическим отношениям противогradientную динамику, и, как следствие, контролирует социальное расслоение. Государство, в отличие от стихийных форм экономического обмена, институт искусственно возникший – противоестественный, альтернативный естественному обмену веществ и благ. Государство – своеобразный антиэнтропийный механизм, призванный сдерживать как дробление собственности, так и распад общей правды на микро-правдочки мешан. Подвластное же исключительно экономической юрисдикции государство – обречено историческому прозябанию. И если история есть форма человеческого бытия, экономика в ней пребудет вечным искушением плоти социального организма, которое потребно превзойти.

В свете сказанного нам представляется, что власть-собственность (как идеологическая субстанция) прогрессивнее власти собственников, т.к. стабильность последней подкреплена формальными (а значит – позитивно-правовыми) гарантиями. Власть собственников акцентирована на субъекте, отдавая приоритет охране

собственности (причём, в основном, это становится заботой собственника). Не удивительно ли, что в условиях свободного рынка массовой финансовой грамотностью называют навыки планирования и оптимизации бытовых расходов, а также умение обывателей читать в договорах текст, намеренно напечатанный мелким шрифтом? Воистину, прав был Робеспьер, почитавший основной добродетелью гражданина недоверие! Закономерный итог такого недоверия – вновь по Робеспьеру: в государстве "остались две партии: народ и его враги".

Власть-собственность смещает акцент с субъекта на отношения, нравственную принадлежность человеку прав-гарантий и, соответственно, предпочитая защиту прав их охране. Уязвимость данной модели обратно пропорциональна доверию граждан власти. Ленин предупреждал: "чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения – вот для этого требуется целая историческая эпоха". Абсурден вариант административно-экономической казённости, когда государство игнорирует или пытается запретить законы экономики: в таком случае оно уподобляется эпическому прапорщику, пытавшему строевой командой остановить отходящий поезд. В то же время трудно представить, чтобы государство вдруг само себя отменило, оформив завещательный отказ и назначив отказополучателем абстрактное "гражданское общество". Но в координатах истинной власти-собственности вполне возможен марксистский сценарий отмирания государства по мере культурного роста народа (вспомним призывы к "культурничеству" для развития кооперации). В ленинской формулировке: строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма. Усвоение принципа "собственного" поможет освоить собственность. Намечая пути прогресса, невозможно отрицать безыскусные законы обмена веществ, но опасно также пренебрегать ролью идеологии, морали и нравственности в развитии общественных отношений (ведь и веберовский дух капитализма жив протестантской этикой). М. Лифшиц говорил о "сублимации уравнительности до высоты революционной энергии, вооружённой разумом, теорией, светом ленинских идей" [5], мы же упомянем о суперации [11], в ходе которой труд должен претвориться из необходимости в потребность, и тогда коммунистический принцип распределения благ дожждётся своего воплощения.

Учитывая контекст воспроизводства власти в РФ, приводить какие-либо рецепты оздоровления современной российской экономики (тем более – санации собственности) мы считаем бессмысленным. Остаётся лишь надеяться, что грядущее десятилетие не ознаменуется продолжением сокрушительных побед власти над собственным народом.

Ссылки на источники

1. Богданов А.А. Очерки организационной науки. М., 1922
2. Герцен А.И. Былое и думы. М., 1976
3. Ильенков Э. В. Диалектика идеального // Логос. 2009. № 1. С. 6–62
4. Ленин В. И. Последние письма и статьи. М.: Политиздат, 1977
5. Лифшиц М. А. Собрание сочинений в двух томах. Т. 1. М. 2015
6. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2 изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I.
7. Мамедов О.Ю. Экономика инклюзивной цивилизации // Terra Economicus, 2017, т.15 №3,с.13-14
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2016
9. Робеспьер М. Избранные произведения. М., 1965 Серия "Литературные памятники"
10. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 20-и томах. Т. 8. М.: Художественная литература, 1969.

11. Симашенков П.Д. Исторический прогресс и инволюция идеалов. Этико-философское исследование / Самара, 2017.
12. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. М., 1991
13. Франк С.Л. Собственность и социализм // Русская философия собственности (XVII-XXвв.) Спб., 1993
14. Хайдеггер М. Размышления. М., 2016
15. Экземплярский В. Учение древней Церкви о собственности и милостыне. Киев, 1910.